

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР
Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

№ 47 (754)

26 августа 1938 г., пятница

Цена 30 коп.

«ЧАЙКА»

24 июля 1899 года А. П. Чехов писал К. С. Станиславскому:

«Не повидаться ли нам? Дело в том, что я был в Петербурге и говорил там с Марксом об издании пьес с вашими mise en scène. Мое предложение ему очень понравилось — и теперь остановка только за вами».

Чехов, автор «Чайки», хлопочет об издании «Чайки» Станиславского. Хлопочет упорно: в письме к Вл. И. Немировичу-Данченко настаивает: «Напиши ему (Станиславскому.—С. Д.) насчет издания пьес; пусть изобретет форму. Мне кажется, что с этим делом не мешало бы поторопиться». Чехов видел в Станиславском как бы соавтора своей пьесы и желал, чтобы в руках режиссера, актера, даже зрителя был полный экземпляр «Чайки», литературную жизнь которой дал Чехов, а сценическую — Станиславский.

Желание Чехова оставалось неисполненным в течение почти сорока лет: «Чайка» Станиславского оставалась неизданной. Задуманное Чеховым издание вышло только теперь, в предверии сорокалетнего юбилея МХАТ¹. Экземпляр этой замечательной книги К. С. Станиславский имел радость еще держать в своих слабеющих руках. Издание с похвальной точностью воспроизводит режиссерский экземпляр «Чайки» Станиславского: левые—четные — страницы книги дают полный текст пьесы Чехова; правые — нечетные — страницы передают все режиссерские указания и заметки Станиславского. Имея перед собой одновременно

и текст Чехова и текст Станиславского, читатель сразу охватывает всю театральную партитуру пьесы, с увлечением следя за неисчерпаемым богатством творческой фантазии гениального режиссера.

Успех «Чайки» был началом славного творческого пути МХАТ. Недаром «Чайка» навсегда осталась символом Художественного театра. Вот почему режиссерский экземпляр Станиславского, запечатлевший его работу над этой пьесой, имеет такое исключительное значение. Когда будет написана подлинная творческая история МХАТ, она начнется с изучения «Чайки» Станиславского. Будущий историк гениального режиссерского искусства Станиславского с глубоким вниманием будет искать в его «Чайке» особенности стиля славного мастера. Для режиссеров и актеров советского театра «Чайка» Станиславского останется навсегда классическим примером вдохновенной работы режиссера над текстом автора.

«Режиссерский экземпляр» Станиславский определял как режиссерскую партитуру с последовательным изложением «тех психо-физических действий, которые актер должен проделывать на сцене».

То, что мы находим в режиссерском экземпляре «Чайки», есть действительно партитура в подлинном музыкальном значении этого слова — партитура гениальной драматической симфонии. Логическая стройность построения целого; гармоническое соответствие всех частей произведения; прекрасное умение сочетать отдельные мелодии и лирические темы в полнозвучную полифонию; необыкновенная отчетливость формы—вот те черты, которыми можно характеризовать партитуру «Чайки» Станиславского.

Живо вспоминается то время, когда «Чайка» шла в Художественном театре. Душа стесняется лирическим волнением — вот наиболее точная формула того огромного впечатления, которое производила «Чайка».

Несчастливая любовь; раненная скорбью юность; безысходное одиночество старости; безнадежное томление неразделенного чувства; осенняя грусть среднерусской природы — все это лирические, драматические, алегические темы; их расслышал Станиславский в пьесе Чехова и из них создал свою удивительную симфонию, партитура которой лежит перед нами теперь, когда ее творца не стало.

Станиславский-режиссер обладает огромным талантом внимания. Его музыкальный слух так тонок, что он умеет расслышать не только шум, но и «шорох бытия». Треплев и Нина расстаются навсегда: «Треплев (дает Нине напиток). Вы куда теперь? — Нина. В город. (Пауза)».

Вот как этот мгновенный диалог звучит в партитуре Станиславского: «Нина утирает слезы платком и подавляет рыдание. Треплев со стаканом в руке неподвижно стоит, облокотясь о фонарь, смотрит безжизненно в одну точку. Здесь он уже умер».

В тексте Чехова Станиславский вычитал не то, что вычитывали все режиссеры до него: не отъезд Нины, с его внешним драматическим движением, а внутренний утраченный смертный час Треплева. Станиславский с чуткостью психолога, с внимательностью великого художника извлекает из подтекста пьесы (самое это слово: подтекст принадлежит Станиславскому) действия, мысли, чувства действующих лиц.

У Чехова сказано: «Пауза. Тригорин записывает в книжку». Тригорин — писатель, и можно подумать, что на этого писателя нашла творческая «минута» и в этой «паузе» сыграть творческий порыв, поэтическое вдохновение. Станиславский мудро удерживает актера от подобного толкования: он видит ограниченность Тригорина и истолковывает эту «паузу» так: «Тригорин сидит кислый, смотря в одну точку, потом лениво тянется, достает книжку и записывает (больше ведь ничего ему не остается делать!!)».

Треплев рассказывает Дорну о Нине, которую любил, о ее неудачно сложившейся жизни. Станиславский находит такую му-

зыкально-драматическую форму этому рассказу: «Пауза. Треплев поднимает голову руками и облокачивается о колени. Смотрит в одну точку. Дорн качается на качалке и по мере того, как рассказ Треплева становится грустным, он качается медленнее и в конце-концов к паузе совсем застывает. Так проходит вся эта сцена. Все неподвижно, как бы застыли».

В «Чайке» гениальный режиссер нашел пути к овладению внутренним ритмом драмы и создал новый метод сценического действия, который вошел в историю мирового театра с именем МХАТ. В партитуре Станиславского мы находим психологические замечания, бытовые наблюдения, которые помогают полноте выражения сценических образов Чехова.

Приведем один маленький пример: Аркадина просит сына: «Костя, закрой окно, а то дует». Станиславский поясняет это обращение: «Аркадина закрыла горло рукой и другой замахала в сторону Треплева. Он закрывает и идет на прежнее место, к столу». Аркадина—актриса, давно уже переживающая вторую молодость; голос для нее — капитал, который она боится растратить, и Станиславский требует от исполнительницы жеста, который выразил бы всю эту житейскую тревогу Аркадиной. Подобных замечаний в партитуре Станиславского великое множество. Можно быть уверенным, что тот, кто прочтет партитуру Станиславского, найдет в давно знакомой «Чайке» Чехова драгоценные подробности и важные черты, доколе ускользавшие от его внимания.

Станиславский никогда не довольствовался достигнутым и всегда неутомимо искал новых форм и средств театральной выразительности. Незадолго до смерти Станиславский мечтал о том, как теперь поставил бы он «Чайку». «Я поставил бы ее совсем по-другому», говорил этот искатель правды и совершенства в искусстве.

Этим мечтам не суждено было сбыться. Новой «Чайки» Станиславского мы не увидим. Но старая «Чайка» навсегда останется памятником глубокой мысли, высокого вдохновения и мудрого труда этого великого мастера театра.

¹ «Чайка» в постановке Московского Художественного театра. Режиссерская партитура К. С. Станиславского. «Искусство». Л.—М. 1938 г.